

ПОЕЗДКА В МОСКВУ

Начало шестидесятых, век двадцатый...

Через два года после переезда нашей семьи на станцию Иланская, куда папу перевели директором средней школы № 41, ему была предоставлена директорская должность в железнодорожной школе-интернате № 5. Мы переехали с улицы Рабочей в квартиру при школе.

Учиться стали с братом и сестрёнкой теперь в интернате, как «приходящие». Интернат в те годы был примечателен тем, что при нём имелось большое подсобное хозяйство: свинарник и участок земли — огород, на котором выращивались овощи для питания учащихся (картофель, капуста, помидоры, огурцы, зелень). В учебном плане, помнится, была дисциплина «Сельхозтруд», и учительница Надежда Вавиловна занималась с учениками, начиная с пятых классов, практическими занятиями на этих посадках — поливом, уходом, пасынкованием и другими. Хватало работы и для кружка юннатов. Это выращивание цветов, в том числе комнатных для зданий школы и общежития, создание клумб, бордюров, проведение опытов и наблюдений, участие в посадке деревьев, кустарников (совместно со взрослыми). Я тоже состояла в кружке юннатов, любила возиться с семенами, отростками-черенками цветов, сеянцами. В один из летних сезонов мы вырастили славный урожай капусты, кочаны были огромными. Надежда Вавиловна по предложению журнала

«Юный натуралист» отправила фотографии наших успешных результатов опытнической и практической деятельности в Москву, на Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ). Это было в 1962 году, я училась в седьмом классе. И для кружковцев пришло несколько путёвок для поездки в Москву, на ВДНХ.

Это стало большой радостью, замечательным событием для нас! И вот в июле, в летние каникулы, на поезде мы и поехали в Москву, среди них была и я с подружкой моей, Лидой Шиловой (она родом из деревни Копейка Иланского района). Сопровождала нас Надежда Вавиловна.

Поездка, конечно, была очень интересной с первых минут и до возвращения домой, тем более до этого никогда так далеко не приходилось ездить мне. Железная дорога — моя любовь с детства — всегда была тогда рядом, день и ночь, считай, на виду. Станции железнодорожные — жизнь семьи нашей в те годы детства моего...

Так и в этой поездке — всё было замечательным, поднимало настроение: проносящиеся мимо леса, поля, перелески, остановки короткие, длинные, звуки железной дороги. Это и гудки проходящих встречных, и ритмичный перестук колёс, пассажиры в вагоне или проходящие по нему, вновь севшие в поезд, незнакомые ранее названия станций, городов, таких как Мариинск, Барабинск, Кунгур, Курган, Омск и другие. А дальше — Ярославль, Москва!

В первый же день приезда — Красная площадь, удивительно длинная очередь в Мавзолей В. И. Ленина, какую мы всё же отстояли тогда...

В МАВЗОЛЕЕ

Вниз по мраморным ступенькам, довольно широким, кажущейся серо-чёрной лестницы... В полумраке — силуэт лежащего человека в чёрном костюме. Крупная голова, высокий лоб цвета воска, руки сложены на груди, пальцы чуть видны из рукавов, тоже воскового оттенка.

И тишина...

Вереница посетителей безмолвно, медленно, почти бесшумно движется мимо саркофага, не останавливаясь, как бы запечатлевая этот образ вождя. Всех охватывает какое-то волнение, сходное с оцепенением, пожалуй, — это я почувствовала, по крайней мере, в те минуты. Быстрее обратно на воздух, к лету, к солнцу!..

Потом мы гуляли по брусчатке площади, смотрели на Кремль, величественный и прекрасный собор Василия

Блаженного, на лица людей, среди которых были и группы иностранцев, чаще с экскурсоводами. Вот негры с иссиня-чёрной кожей — идут, смеются, сверкая белоснежными зубами, удивляя нарядом своим, таким непривычным для нас. Стройные индианки в ярких, красивых сари; вьетнамцы в своих конусовидных шляпах из рисовой соломы. Бой курантов на башне Кремля, кажется, проникает в душу, отзывается в сердце... Потом мы ещё не раз возвращались сюда, на Красную площадь, и снова любовались ею, словно запоминая увиденное.

ВДНХ. ЭКСКУРСИИ

Гостиница, в которой мы располагались, была на территории ВДНХ, несколько в стороне от выставочных павильонов, рядом с широкой нарядной площадью, недалеко от фонтана «Дружба народов». Он поразил нас своим вечерним великолепием: цветная подсветка золотистых фигур — символов республик Союза СССР, красивые мелодии — цветомузыка — сопровождали шум льющихся струй воды. На площади слышалась и другая музыка с недалеко находившейся танцплощадки. Автомобилей здесь не было, все ходили пешком, прогуливаясь не спеша, наслаждаясь очарованием вечера, ароматом прекрасных роз, что росли на клумбах и тоже кое-где были подсвечены. В то время розы сибирские были ещё редкостью, поэтому любовались ими и мы, а днём разглядывали и другие цветы, кустарники, какие нам были неизвестны.

Первым павильоном, что мы осмотрели, конечно, был «Цветоводство». В нём — выставка великолепных сортов разных видов цветочных растений из всех республик Союза. Культура выращивания цветов высока была в Прибалтике, Средней Азии. Узнали много нового, всё было интересно. Нас, как юннатов, заинтересовал и павильон «Овощеводство». И все, конечно, стремились с экскурсиями в павильон «Космос», где к тому времени уже разместились спутники космические, стенды по исследованию космоса, образцы комплектов одежды космонавтов, скафандры, тубы с продовольствием и другие любопытные артефакты.

Выставочные павильоны «Животноводство» и «Коневодство» тоже оказались на нашем пути. Мы удивились крупнорогатым гигантам, пушистым, круглым на вид овцам, красавцам орловским рысакам. Породы свиней, кроликов, их разнообразие, размеры впечатляли.

Не обошлось без посещения местных магазинов — ГУМа, например, где мы долго стояли в очереди за ковром, что хотела купить наша учительница, а в других она приобретала ткани и многое другое, чего, наверное, в Сибири не было тогда. Мы же с Лидой обошлись недорогими московскими сувенирами для родных. Экскурсанты из других юннатских групп побывали в планетарии, Оружейной палате. На моё предложение посмотреть экспонаты в Оружейной палате руководительница наша сказала, что смотреть там не на что, одни ружья да пулемёты, чем очень удивила меня. Я выразила сомнение, зная, что это богатый и на другие замечательные экспонаты музеев, но мы так и не побывали в нём.

Зато удалось посетить Третьяковскую галерею. Почти сразу при входе расположен зал русской иконописи. Икон было много, размеры некоторых из них впечатляли. Позолота, роскошные рамы, библейские сюжеты, лики святых... До этого я видела только небольшие иконы с образами у бабушки с дедом в их избушке.

Поразили полотна многих художников, какие довелось увидеть тогда наяву. «Апофеоз войны» Верещагина — гора черепов, чёрное вороньё, ужас войны... Очень долго я стояла у картины Куинджи «Лунная ночь на Днепре». Казалось, что мерцающий свет луны переносит тебя в эту южную ночь. С тех пор, с поездки в Москву, интерес к живописи, архитектуре возрос у меня во много раз, хотя я и так знала авторов многих картин, потому что папа собирал иллюстрации картин художников мира, печатавшиеся в журналах «Огонёк», «Смена», других изданиях по искусству живописи. В галерее я пробыла довольно долго, пока не услышала свою фамилию из репродуктора. Оказалось, меня уже потеряли и ждали в уличном кафе во дворе Третьяковки, за столиками, куда я и пришла. Мы ели мороженое. Был прекрасный июльский день, полный новыми впечатлениями и ощущениями...

ХЕЛЬГА

Комната гостиницы, в которой мы жили, была рассчитана на четыре человека. Мы с Лидой один день оставались в номере вдвоём, до приезда девочек-эстонок, которых подселили к нам на другой день. Познакомившись, узнали, что одну из них зовут Хельгой, что на скандинавском означает то же, что и Ольга, то есть моё имя. Девочки зашли в комнату, держа

в руках большие чемоданы, сумки, какие, конечно, не могли сравниться с нашими балетками — крошечными подобиями чемоданов. Такие были тогда в обиходе, особенно у командировочных. Нас поразили наряды девчонок, несколько пар обуви, в том числе туфли домашние с помпонами, пеньюары и другие вещицы: баночки с кремами, флакончики с духами, сумочки, чего у нас и не было ещё в том возрасте. Я с собой брала, когда собиралась в поездку, сшитые мною ситцевое платье в цветочек с удлинённой талией, пышную белую юбку с крупными, почему-то чёрными георгинами по тиснёному сатину, ситцевую же красную кофточку без рукавчиков с вышитым мною нежным букетиком цветов. С собой был зелёный свитерок на случай непогоды да ещё кое-какое бельё. И всё, пожалуй. Конечно, до европейского шика нам было ой как далеко!..

Убранство гостиничных номеров отличалось милой простотой, но для нас было необычным, ведь раньше такого колорита видеть не приходилось. В коридоре-холле были расстелены тёмно-бордовые ковровые дорожки, красивый мягкий свет лился из высоких бра, удобные мягкие кресла.

Одна из девочек-эстонок привлекла моё внимание своим живым разговором то на ломаном русском, то на своём языке страны Суоми... Мы сидели с ней, чаще уже поздно вечером, почти ночью, в холле в кресла перед столиком и разговаривали. Я спрашивала и записывала эстонские слова на русском, она расспрашивала меня о Сибири. Наше общение, такое непосредственное, увлекательное, продолжалось все вечера этой недели, пока мы не разъехались, распрощавшись, по домам своим. С Хельгой мы переписывались потом больше трёх лет. Отправляли друг другу фотографии, открытки о природе родных мест, достопримечательностях, даже бандерольки слали. Русско-эстонский словарь мне от неё пришёл тогда. Нам было интересно.

Потом постепенно переписка наша закончилась, письма мои оставались без ответа, к сожалению. В чём причина, я так и не узнала тогда.

В наши дни пыталась её найти в Интернете, но безрезультатно.

В моём альбоме остались её фотографии, немного открыток о Таллине, а в душе — светлые воспоминания о тех днях в Москве.